

наши интервью

не имела права не выжить. Специфика алмазных месторождений Западной Якутии в том, что они обрабатываются не одновременно и не равномерно. В какой-то год Мирный расцветает (мощности обогатительные введены, карьеры работают очень устойчиво), и доля Мирнинского ГОКа – главная. В это время условно прибыль, которая от образуется, направляется на освоение иной территории – скажем, северных площадок, Удачинского ГОКа. Затем "Удачная" в самом расцвете: сырьем много, мощности обогатительные с резервом, – и за счет той прибыли, которая получается в итоге, можно начинать, например, осваивать трубку "Юбилейная". Потом сообща, общими силами строили комбинат на Накыне. Вот такая схема финансирования за счет собственных ресурсов, ну и в какой-то мере и заемных, кредитных (это уже в более поздние времена) позволяла развиваться, наращивать алмазодобычу... Были годы, когда алмазники добывали продукции больше, чем весь остальной мир.

– Скажите, а могло так случиться, что в вашей судьбе не было бы места алмазам и "Якуталмазу"?

– Вполне могло. Я окончил школу с серебряной медалью и поступил в Свердловский горный институт без экзаменов – это и сейчас один из лучших горных вузов страны. Получил диплом в 1960 году, во времена совнархозов, которые старались выпускников своих вузов за свои пределы не выпускать. Я на курсе шел по распределению вторым, и имел право выбора – можно было поехать на любое предприятие Свердловска и области. Сначала я решил остаться в Свердловске, в "Уралгипрошахте", потом переписался в Уральский фи-

мал, что ученый из меня вряд ли получится, не было к этому тяги. Ну и алмазы – думаю, для молодых людей очень важен престиж работы, престиж предприятия.

– В "Якуталмазе" вам как главному инженеру приходилось заниматься всем, наукой в том числе. А также развитием "Якутнипроалмаза", перевооружением производства, технологиями добычи, обогащения...

– Я был главным инженером лет пять, наверное. До меня были Л. Желябин, В. Рудаков, потом Е. Калашников. При них внедрили бесшаровое измельчение алмазных руд: это был очень крупный прорыв в обогащении, мощности в алмазодобыче увеличились кратно. И второй большой прорыв – внедрение рентгенолюминесцентных методов извлечения алмазов, но он случился гораздо раньше.

– А что революционного произошло при вас?

– В обогащении, пожалуй, таких прорывов не было. В мою бытность М. Злобин продвигал пенную флотацию, и она получила сильное развитие. Мы добывали много технических алмазов, хотя в стоимостном эквиваленте они многое не значили. Нигде в мире пенная флотация практически не применяется – в силу невысокой стоимости алмазов мелких классов.

При мне появились новые направления в горном производстве, в частности, строительство подземного рудника "Интернациональный". Начиналось оно и шло чрезвычайно тяжело. Сначала не хватало денег, поскольку финансирование было централизованное и всегда – по остаточному принципу. Второе – это, конечно, полное отсутствие опыта, специалистов-подзем-

«Компании нужен геологический фарт»

Бывший генеральный директор "Якуталмаза" – "АЛРОСА", бывший первый вице-президент компании 49 лет отдал нашему предприятию: 35 лет в Якутии, еще 14 лет, до 2009 г., в Москве.

Он производит впечатление не просто интеллигента, а интеллектуала – по тому, как четко строит фразы, без единого лишнего слова, не растекаясь по древу, как ясно формулирует свои мысли.

Накануне юбилея Лев Алексеевич ответил на вопросы "ВА".

– Вы были непосредственным участником процесса акционирования, создания АК "АЛРОСА". Вам, в частности, ставят в заслугу и то, что во времена развала страны алмазная отрасль осталась единой...

– На самом деле, это заслуга, как я считаю, трех человек – президента республики М. Николаева, В. Рудакова, бывшего идеологом схемы акционирования, и Ю. Скокова, в то время первого заместителя Председателя Совета Министров РСФСР, недавно ушедшего из жизни.

– Но "Якуталмаз" в то время возглавляли вы?

– Возглавлял я, и моей заботой было организовать поддержку со стороны руководителей всех подразделений. Это было время, когда некоторые подразделения, наиболее крупные и экономически сильные, пытались играть в самостоятельность. Это относилось к Удачинскому ГОКу и, в определенной мере, к Мирнинскому. В Айхальском ГОКе, тогда с истощенной сырьевой базой, эти настроения не культивировались. И поэтому моей задачей было так поработать с руководителями, чтобы мы выступили единой командой, поддержали документы и идеи по созданию акционерной компании. Нужно было, чтобы коллективы приняли эту идею. Приходилось работать со многими индивидуально. На общей конференции трудового коллектива были приняты решения, и от имени алмазников мне поручили подписать соответствующие документы на учредительном форуме, который состоялся потом в Якутске. На примере "Якутзолота" мы действительно видим, как некогда мощное, единое, очень сильное предприятие распалось на множество составляющих, и как следствие, резко упала золотодобыча в республике, появились социальные проблемы, некоторые северные предприятия вообще были ликвидированы.

А алмазная промышленность выжила – как единый механизм, и по-иному она и не могла, и

Льву Алексеевичу Сафонову 15 января исполнилось 75 лет. И хотя не все его оценки нынешних бизнес-процессов однозначны, он остается авторитетным специалистом алмазодобывающей отрасли.

лиал Академии наук. Но у моей супруги родители жили в Мирном (приехали туда из Бодайбо, в самые первые годы создания треста "Якуталмаз") и устроили мне через отдел кадров вызов. Получив телеграмму, мы с женой и годовалой дочкой сели на поезд, потом в самолет, и приехали в Мирный, где я устроился на работу.

– И вы комфортному существованию, научной работе в крупном центре предпочли тяжелые условия труда и жизни в экстремальном климате?

– Климат меня нисколько не напрягал, поскольку я вырос на Урале, где хватает морозов и снега. Наверно, были и еще соображения: годовалая дочка, а жена еще училась заочно в институте... Нужна была помощь с ребенком. Первое время мы жили у родителей супруги, и бытовые проблемы решались автоматически. Но главное – хотелось на производство. В общем, я пони-

щиков, проектировщиков, То есть мы прошли через трудный этап становления. И сейчас, при строительстве подземного "Мира", опыт "Интера" используется в полной мере.

Когда я был главным инженером, настоящей эпопеей стал переход на полнооборотные схемы водоснабжения, чтобы фабричные отходы не сбрасывались в речную сеть. Это было чрезвычайной важности требование государства, работа растянулась на много лет.

Когда нам впервые разрешили съездить с группой специалистов в Австралию, мы побывали на руднике "Аргайл". После поездки мы с ребятами заболели идеей внедрения автоматизированных схем проектирования – маркшейдерских, дистанционных замеров, и так далее. Когда маркшейдер меряет объемы выработок, производится много ручной работы, подсчетов – а там эти методы давно уже были автоматизированы. И мы начали это внедрять. Сегодня наш институт стал одним из лучших в стране с точки зрения внедрения автоматизированных систем проектирования.

– Насчет подземки. Сейчас часто говорят о том, что подземные разработки нужно было начинать гораздо раньше. Что вы по этому поводу думаете?

– В принципе, говорят правильно. Другой вопрос – можно ли было начинать раньше. Я упомянул о том, что в то время планировалось все централизованно: лимиты проектных работ, капложений, средств на оборудование, и так далее. Это сильно ограничивало наши возможности. И второе ограничение: полное отсутствие опыта. "Интер" был первым, рудник получился чрезвычайно сложным, очень опасным по газовой среде, нефтепроявлениям, по битумопроявлениям. Очень большие водопроитоки, как мы знаем, сероводородные... Быстро развернуть стройку было невозможно, привлекали специалистов из Норильска, например. А многих привезти было нельзя – не было жилья. В общем, весь этот комплекс причин тормозил переход на подземный способ. Пришлось привлечь, перебазировать строительные организации, создать шахтопроходческий трест. Были ошибки при проектировании, особенно наземных объектов.

Конечно, нужно было раньше. Я в то время всегда это говорил, но с оглядкой, считая, что нельзя форсировать отработку месторождений сверх того, что задано горными условиями, инженерными проработками, проектами.

– Вы были главным инженером, генеральным директором, первым вице-президентом, потом гендиректором ЕСО... Огля-

Награда от Председателя Правительства

дываясь назад, чем вы гордитесь больше всего?

Прежде всего, ценю то, что многие годы мы обеспечиваем себя инфраструктурой – Вилуйская ГЭС-3, добыча газа, газификация северных комбинатов и так далее. Заодно совершенствовали технологии, готовили молодые кадры. То есть эта системность позволила нам претендовать на то звание, которое культивировалось одно время в стране – "территориально-производственный комплекс". Эта идея так и не прижилась широко в нашей экономике, но "Якуталмаз" в классическом виде был таковым. У нас, кроме чисто горных дел, добычи и обогащения алмазов всегда был очень большой объем инфраструктурных проектов: речное судоходство, перевозка грузов, геология, авиация, ремонтное хозяйство. Территориальный самодостаточный комплекс. Мы в свое время в командировке в Бразилии видели существующие в джунглях горные предприятия, добывающие золото или железо, отрезанные на сотни и тысячи километров от всего. И руководители предприятия имели в своем подчинении всё: почту, полицию и прочее. И мы тоже начали в этом направлении двигаться, но всё остановилось. По счастью, мы успели сохранить главное – геологию. Распад геологоразведочных экспедиций был бы для алмазников совершенно губительным.

Есть виды деятельности, которые на Крайнем Севере по определению не имеют шансов стать прибыльными или высококорентабельными. Например, сельское хозяйство. Да, руководство ищет варианты, как сделать подсобное хозяйство безубыточным – мы этим занимались много десятков лет: развивали птицеводство, то строили теплицы. Но в те времена совхоз поддерживали по совершенно другим соображениям: коренное население живет в селах, эти люди имеют право жить на своей земле, и мы должны создать им рабочие места, устроить их быт. Поэтому вкладывали деньги в развитие энергетических мощностей совхозов, электрических, потом газовых котельных, в птичники. И понимали, что есть определенный уровень отдачи, который нужно стремиться поднять, чтобы продукты на столе у горожанина были свежими. Но рентабельным это дело все равно не будет. Вот на Крайнем Севере авиация мне в какой-то мере напоминает сельское хозяйство: расстояния гигантские, расходы топлива очень большие, зарплаты у летчиков достаточно высокие – все это нужно окупить стоимостью билета.

– А каково ваше мнение о развитии алмазодобычи в Архангельске?

– Там очень много потеряно времени из-за местных амбиций: руководство области в свое время заняло позицию "якутов" не пускать – сами справимся. И потеряли много лет. Пытались найти – их за это можно даже похвалить в какой-то мере – новые методы освоения. В частности, академической наукой было предложено два метода. Первый – выбуривание: когда большущий станок с буром в шесть метров бурил скважину, доставал кимберлит, и его везли, обогащали. И если набурить много таких скважин, можно вскрышу практически не делать. Идея сама по себе, конечно, теоретически великолепная, но специалисты нашего института сразу сказали, что метод не пойдет: для этого надо иметь очень прочные породы, чтобы не было никаких

Фабрика № 3, на которой плодотворно работал Л. Сафонов

осыпаний. Попробовали – ну, спасибо им за это, получили отрицательный опыт.

Другой метод: на месторождении делается как бы перекрытие, щит, и он постепенно опускается. Это тоже вполне академическое решение, оно в учебниках описано – и тоже ничего не вышло. Алмазники наши предупреждали сразу: ребята, вы только время теряете. Но они перелопатили, конечно, уйму денег, а к тому моменту уже настал период, когда акционировалось все, и тогда уже "АЛРОСА" пришлось покупать акции "Севералмаза". Когда мы вошли в проект, начали классическое проектирование отработки месторождения. Там очень сложные условия, большая обводненность.

– Лев Алексеевич, известно, что вы очень цените дружеские связи с бывшими коллегами. С кем вы общаетесь, чем заняты, что вас увлекает?

– Мы часто встречаемся с мирнинцами, бываю интересные поездки для ветеранов. Я сейчас больше за городом живу – продал свои акции, купил дачу по Киевскому шоссе. Есть небольшой дом, на участке деревья – ель уже 15-метровая, сосна, дуб мощнейший. Имеется теплица, садик (яблони, рябина черноплодка, малина) – на даче всегда есть работа. Ну и чтение, в основном. Лежит у меня пара книг: воспоминания В. Молотова и двухтомник А. Власова, посвященный политике России с 1905 года.

У нас большая семья. На выходные приезжают дети – дочь Лена и сыновья. Старший сын Алексей – электромеханик, работает в фирме "АлмазЗолото-Комплект" и занимается поставками для ГРО "Катока", он там с самого начала работал. Младший Володя работает в "Полус-Золоте". На выходные собираемся, по праздникам. У меня четверо внуков (старший из них работает в ЕСО), внучка и две правнучки (наш старший внук Антон женился на мирнинской девушке, кстати, наполовину якутке, и у него две дочки).

– В Якутии давно не были?

– В Мирном был на свое 70-летие, мне организовали поездку, чувствовали, на собраниях коллективов побывал. Я бы с удовольствием снова съездил, если бы предложили.

– Лев Алексеевич, что вы хотели бы пожелать компании?

– Пожелать успехов сегодняшним руководителям, здоровья всем. В том числе И. Демьянову, который хорошо помогает ветеранам. Очень хочется пожелать, чтобы руководители не забывали уходящих на пенсию директоров предприятий. Можно привлекать их для каких-то экспертиз, консультаций, для проектов – этот опыт у нас в компании практически не используется. И даже относительно молодые ребята, вернувшиеся с "Катоки", с международным опытом, оказались не востребованы.

– Вы внимательно следите за тем, что происходит в компании?

– Я вашу газету читаю, и интернетовские материалы смотрю. На мой взгляд, в последние го-

ды были допущены принципиальные ошибки со стороны некоторых бывших руководителей, явно поставленных для решения временных задач. И подходы, которые начали они культивировать, с моей точки зрения, были ошибочными. "Зачем вам санаторий на Черном море? Продать! А зачем вам в Санкт-Петербурге завод "Буревестник"? Надо продать". А завод этот единственный, который производит рентгенолюминесцентные сепараторы... Хорошо, вовремя остановились, и не допустили этого.

Когда В. Штыров пришел президентом в компанию, он присматривался, советовался. И вдруг возникла мысль: зачем нам НИИ, мы можем привлечь любой институт страны. В принципе, такой подход возможен. Но, к счастью, он быстро ухватил проблемы алмазодобычи. И от этой идеи ушел. Это я к тому, что бывают заманчивые идеи, лежат они на поверхности, но губительны.

Мне немножко непонятно, зачем алмазная компания в свое время вошла в газовые проекты. Сегодня, со слов президента Ф. Б. Андреева, "АЛРОСА" принимает меры, чтобы эти проекты продать. Я еще могу понять (не оправдать, но понять), почему вошли в железорудный проект "Тимир": Якутия в нем кровно заинтересована, нужно подставить плечо. Другое дело, что как только я узнал об этом проекте, сразу сказал: что "АЛРОСА" его не поднимет (писали о 10 млрд долларов, необходимых только для раскрутки). А газовые на Ямале? Сейчас, когда там запустили промысел, и стоимость его возросла, может быть, удастся его продать. Потому что алмазникам он, мягко говоря, ни к чему.

С другой стороны, я не могу понять, почему "АЛРОСА" отказалась от проекта, связанного с разработкой нефти на Иреляхском месторождении: оно небольшое, но его хватило бы на весь срок существования алмазной промышленности. С моей точки зрения, это экономическая ошибка.

В принципе же компания сейчас на верном пути. Не хватает немножко счастья и удачи – нужно сырьевую базу пополнять. А новых открытий пока нет. Наши геологи работают по методикам, которыми их вооружили десятки лет назад, они давно себя исчерпали.

Месторождений, близких к поверхности и имеющих какие-то спутники в виде пиропов, уже, судя по всему, на обозримом расстоянии нет. Значит, трубки должны быть глубже. Они могут иметь иные физические свойства. Поэтому требуются методические изменения в поисках. Их, к сожалению, пока нет, хотя попытки предпринимались. Поэтому остается второе: геологический фарт. Алмазникам сегодня крайне нужна пара-тройка хороших месторождений, и желательнее не очень далеко. Хотя если далеко – все равно освоим!

Галина СЕМЕНОВА

Редакция "Вестника АЛРОСА" поздравляет Льва Алексеевича Сафонова со славным юбилеем и желает ему долгих лет жизни!

Главный инженер "Якуталмаза" Лев Сафонов в своем кабинете. 80-е годы

«Надо больше использовать опыт ветеранов»